

Ш. У. Устаев

НОВЫЙ ГОД (НАВРУЗ) В МИФОЛОГИЧЕСКИХ ВОЗЗРЕНИЯХ ТАДЖИКОВ И УЗБЕКОВ

Издавна многие народы придавали большое значение смене старого года новым, с наступлением которого начинался другой годовой жизненный цикл. Новогодний праздник продолжался несколько дней и представлял обширный комплекс обрядовых действий, исполнявшихся с целью обеспечения благополучия в наступающем году. Новый год занимал важное место и в мифологических воззрениях разных народов. Смысл новогодних ритуалов в мифах связывался с действиями различных божеств. У многих древних народов в этот период проводились целые театрализованные представления на темы мифологических сюжетов.

Новый год — Навруз (букв. «новый день») был важным событием и для иранцев, и для древнего ираноязычного населения Средней Азии. Согласно историческим преданиям, начало празднования Навруза связывалось с именем мифического царя Персии Джемшида. Это был веселый шумный праздник, отмечавшийся в дни весеннего равноденствия. Навруз понравился «пророку» мусульман Мухаммеду, и первые арабские халифы широко распространили его в своих владениях, отмечая его очень пышно¹. У земледельческих народов Средиземноморья и Передней Азии в античное время Новый год приходился на весну и связывался с пробуждением природы; его понимали как ежегодное воскресение погибающего зимой божества растительности². К празднествам, сложившимся на основе культа умирающего и возвращающегося к жизни божества, принадлежит и Навруз. Причастность Навруза к аграрному культу выражалась в таком ритуальном действии, как шествие с цветами. «Название этих гуляний — „праздник красной розы“ — связано с культом умирающего бога, кровь которого якобы появляется ежегодно в кроваво-красных лепестках цветов», — писала О. А. Сухарева³. По мнению Е. М. Пещеревой, весенний праздник цветов «восходит к мистериям, связанным с почитанием умирающего и воскресающего божества природы. Божественный отрок убит, тело его растерзано и рассеяно по земле, а на местах, где лежат его останки, вырастают алые тюльпаны. Собрание тюльпанов, связывание их в букеты и украшение ими дерева символизировало, по-видимому, поиски его тела и собирание его воедино»⁴. Эту точку зрения поддерживал и Г. П. Снесарев⁵. Следует отметить, что мифологические воззрения, связанные с Наврузом, до сих пор почти не изучались и их смысл не был известен. Так, Г. П. Снесарев писал: «В обря-

¹ Аль-Бируни. Избранные произведения. Т. 1. Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1957, с. 225.

² Фрэзер Дж. Дж. Золотая ветвь. М.: Полит. лит-ра, 1980, с. 364.

³ Сухарева О. А. Ислам в Узбекистане. Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1969, с. 35.

⁴ Пещерева Е. М. Некоторые дополнения к описанию праздника тюльпана в Ферганской долине. — В кн.: Иранский сборник. К семидесятипятилетию профессора И. И. Зарубина. М.: Наука, 1963, с. 218.

⁵ Снесарев Г. П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М.: Наука, 1969, с. 205 и др.

дах Навруза не сохранилось никаких следов персонификации возрождающейся природы, отсутствует конкретный образ божества, даже в сугубо мусульманизированном варианте»⁶.

Сказанное позволяет думать, что появление новых сведений, раскрывающих мифологический фон обрядности Навруза, привлечет внимание специалистов, так как позволит лучше разобраться в мировоззренческих истоках древнего праздника. Задача статьи — ознакомить читателей с мифологическими воззрениями узбеков и таджиков, живших в кишлаках Туда⁷ и Дербент (Дарбант) Байсунского р-на Сурхандарьинской обл. УзССР.

Будучи уроженцем таджикского кишлака Дербент, расположенного вблизи знаменитого Гиссарского горного прохода «Железные ворота» («Дер-и-Ахенин») ⁸, я с детства слышал от местных жителей мифы, связанные с Наврузом. Эти рассказы свидетельствуют о том, что в древних поверьях большое значение придавалось не только дням, непосредственно предшествовавшим Новому году или следовавшим за ним, но гораздо более длительному периоду, когда будто бы активно действовали женские мифологические персонажи.

В кишлаках Дербент и Туда вплоть до середины 1960-х годов отмечались последние дни месяца Хут, посвященные женским мифическим образам — Аджуз (к. Дербент) или старуха Азиз (к. Туда) ⁹. Для населения Дербента и Туда месяц Хут начинался ежегодно после 20 февраля и кончался 21 марта, т. е. охватывал конец зимы и начало весны. По народному календарю это «малая сороковина» (узб.: кичи чилла; тадж.: чиллаи хурд). Считалось, что из 30 суток месяца Хут 10—15 суток принадлежат ему самому, а остальные 15—20 дней — Аджуз или старухе Азиз и ее помощникам.

Месяц Хут — очень ответственный период: надо было сохранить животных, многие из которых, по рассказам стариков, в былые времена гибли именно в это время года как от холода, так и из-за нехватки кормов. У жителей Туда известна пословица: «Толстый растянулся, худой оборвался» (узб.: «Семиз чузилди, орик узулди»). Особой заботы требовали растения: начинают цвести миндаль, абрикос, яблоня, твердеть зерна озимой пшеницы. Дербентцы говорили: «Зерна пшеницы затвердели и дэвов испугали» (тадж.: «Гандум думбул бастас, дэво гурухтас»). В кишлаке Туда считалось, что если месяц Хут «придет хорошо», то можно ожидать изобилия молока, а если «придет плохо», то начнут умирать старухи. Кроме того, как раз в эти дни, по поверьям, в груди Весны (Бахор), персонифицированной в виде женщины, обильно скапливается материнское молоко для будущего младенца — Нового года (в Дербенте — Навруз, или Нав сол, в Туда — Навруз, или Янги йил). Когда начинались сильные холодные ветры, снегопады и дожди, это означало, что вступают в свои права Аджуз или старуха Азиз.

Аджуз. Это имя, обычно в форме Оджуз, встречается в отдельных работах о верованиях таджиков и узбеков. Уже М. С. Андреев писал о мифологическом образе старухи Оджуз, связываемом в традиционных представлениях горных таджиков с кратким периодом холодов, предшествующим наступлению весны. Г. П. Снесарев возводил образ Оджуз к древним культам плодородия ¹⁰. Этот общий вывод не получил, однако, конкретного разъяснения ввиду скудости фактического материала. Собранные нами сведения позволяют говорить о теснейшей связи между Аджуз (Оджуз) и Наврузом. Быть может, в дальнейшем это позволит пролить свет на генезис новогоднего праздника Навруз.

⁶ Там же, с. 209.

⁷ Узбеки к. Туда относили себя к группе кунграт. Подробнее см.: *Кармышева Б. Х.* Очерки этнической истории южных районов Таджикистана и Узбекистана. М.: Наука, 1976, с. 200.

⁸ *Бартольд В. В.* Соч. Т. 1. М.: Наука, 1963, с. 241; *Б. Г. Гафуров.* Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. М.: Наука, 1972, с. 215.

⁹ О старухе Оджуз см. *Андреев М. С.* По Таджикистану. Краткий отчет о работах этнографической экспедиции в Таджикистане в 1925 году. В. 3. Ташкент, 1927, с. 80—82.

¹⁰ *Снесарев Г. П.* Указ. раб., с. 183—185.

По поверьям дербентцев, Аджуз — повитуха (доя) Весны. Ее не представляют старой; поэтому к ее имени не добавляется слово «старуха» (момо или кампир). Жилище Аджуз, как и жилище бога, на небе. У нее есть помощница — старуха Громовержица (Гулдур-мома)¹¹. Сам бог (худои кодир)¹² подарил Аджуз как повитухе семь дней. Этот период начинается на шестнадцатый день месяца Хут (по современному календарю — с 3 марта). Согласно мифологическим представлениям дербентцев, в течение этих семи дней происходит целый ряд событий.

Осталось всего несколько дней до рождения Навруза. С южной стороны дуют теплые ветры. Это Аджуз и Гулдур-мома спешат к Весне, чтобы принять у нее роды. Им вознамерился помешать злой Дэв, притаившийся в горах Каф (Кухи-Қоф). Он посылает в мир свою помощницу — Старуху-Трясунью (Ларзон-мома), одноглазую, беззубую, хромую, тощую и постоянно дрожащую (ларзон). Ее появление ощущается как холодный ветер с запада (кибла). Между тем уже гремят громы и сверкают молнии. Дербентцы считали, что по велению Аджуз Гульдур-мома ударяет своим посохом (хаса) по тучам — пуховым одеялам Весны. Если одеяло пыльное, то на землю падает снег, а если пыли мало — идет дождь. Громовые раскаты пробуждают от зимней спячки деревья и растения. Сама Аджуз в это время в ожидании родов находится возле Весны, охраняя ее от вредоносных сил Дэва, в том числе от Старухи-Трясуни, которая несколько раз пытается проникнуть в жилище Весны, но, получив отпор от Аджуз, переносит свою злость на все живое. С морозами, шумными холодными ветрами и снегопадом она ходит по полям, горам и селениям, досажая зверям и птицам, продлевая зимнюю спячку деревьев и растений. Раньше дербентцы в эти дни боялись заниматься стиркой; мужу было запрещено спать в одной постели с женой, девушки не мыли головы, детей не купали. Считалось, что Старуха-Трясунья ударит своей палкой того, кто нарушил ее закон, и может вызвать заболевание трясучкой, которую не вылечит ни знахарь (табиб), ни шаман (фолчи). В конце седьмого дня периода Аджуз Старуха-Трясунья, не сумев взять верх над силами, способствующими пробуждению природы, улетает в свою пещеру. С этого дня начинается Нахси Навруз — «Очищение Навруза».

Об этом периоде М. С. Андреев писал: «...у старухи Оджуз есть муж, называемый Нахс, Нахс, который отличается сварливостью»¹³. Но в дербентских мифах Нахс как муж Аджуз не фигурирует. По словам информаторов, у Аджуз мужа не было, хотя она не старая и красивая. Само слово «нахс» или «насх», по мнению дербентцев — искаженная форма слова «нафс» — менструация. Таджики квартала Кучкак кишлака Дербент (в их говоре слово «нафс» произносится правильно) этот период называют Нафси Навруз или Нафси Соли нав, также считая, что в данном случае нафс надо понимать как месячное очищение женщины. Однако нетрудно убедиться, что это народное толкование термина не соответствует более древним мифологическим представлениям, связанным с периодом Нахси Навруз. У дербентцев Нахси Навруз начинался сразу же после дней Аджуз и продолжался три дня — с 11 по 13 марта (или с 24-го по 26-й день месяца Хут). По сохранившимся поверьям, в этот период Весна уже родила Новый год (Навруз), а Аджуз и Гульдур-мома занимаются очищением новорожденного. Младенца пока еще нельзя показывать посторонним, так как его могут взглянуть. Он еще не вымыт, поэтому требуется чистая вода (тоза об). Вот тогда и наступают четыре дня Милосердной воды — Оби Рахмат. Они длились с 14 по 17 марта (или с 27-го дня до конца месяца Хут).

¹¹ Сведения о поверьях, связанных с Гульдур-мома, имеются также в литературе. См. напр.: Андреев М. С. По этнографии таджиков. Некоторые сведения. — В кн.: Таджикистан. Ташкент, 1925, с. 172; Мифы народов мира, т. 2. М.: Сов. энциклопедия, 1982, с. 170.

¹² Худ. (персид.: сам), кодир (араб.: предопределяющий). Значит: худи кодир — Сам Предопределяющий, или сам бог.

¹³ Андреев М. С. Из материалов по мифологии таджиков. Ташкент, 1927, с. 23—24.

Дни Оби Рахмат считались днями омовения Навруза. В народе говорили, что Гульдур-мома в эти дни собирает тучи и своим посохом выбивает из них сильные дожди, а Аджуз, собрав дожди в одну посудину, готовит к купанию Весну и ее младенца Навруза. В кишлаке Дербент было принято в подражание Аджuzu в эти дождливые дни собирать дождевую воду и купаться в ней, чтобы смыть грехи, накопившиеся в течение года. При этом полагалось повторять про себя: «Спасибо воде милосердной» (Обба рахмат). Дербентцы купались в дождевой воде и в лечебных целях. И по сегодня живет убеждение, что, выкупавшийся в Оби рахмат человек не заболит чесоткой (кичима) и желтухой (касали зардет). У женщины, которая вымоет этой водой голову, волосы станут густыми и длинными, не будут выпадать при расчесывании.

Жители Дербента праздновали Навруз в течение трех дней — с 18 по 21 марта (или с 28-го по 30-й день месяца Хут). В первый день праздника дербентцы просыпались очень рано. Согласно обычаю, взрослые заставляли маленьких детей подниматься на крыши домов или зажигать костры и, обратив взор к небу, петь песни в честь Навруза, а детей постарше отправляли в горы за подснежниками. Дети собирались в группы, соответственно возрасту, девочки отдельно от мальчиков. Запевая песню «Подснежник», они уходили в горы. По словам наших информаторов, цель этого похода заключалась в том, чтобы в день наступления Навруза дети находились на высоком месте, так как это будто бы способствует быстрому росту, костры же зажигали для очищения души от грехов. В небо смотрят для того, чтобы увидеть птицу счастья Лайлатул-кадр¹⁴, которая несет с собой добрые вести от Аджuzu о здоровье младенца Навруза и Весны. Увидевший птицу, до конца года будет богатым и счастливым. Существует легенда, что некогда один из местных жителей увидел Весну в тонком розовом платье, шагавшую над полями и садами. На голове у нее был венок из листьев и цветов. В руке она держала веточку, покрытую розовыми цветами и когда прикасалась этой веточкой к какому-нибудь дереву или растению, на нем распускались цветы. Шла Весна босиком, и там, где ступала ее нога, расцветали подснежники. А над ее головой кружилась постоянная ее спутница, птица Лайлатул-кадр.

Дети, ушедшие за цветами, к полудню возвращались домой с букетами подснежников. В горах Дербента растут два вида подснежников: белые — «паломники котла» (дек шканак) и желтые (бойчечак). Тех, кто по неопытности собрал букет белых подснежников, родители не пускали домой до тех пор, пока цветы не будут уничтожены. По поверьям, белые подснежники — это слезы зимы, предвещающие бедность дому, в который их принесут. Каждый год, поднимаясь из-под земли, эти цветы оглядываются вокруг и увидев человека, говорят: «Этого человека я видел в прошлом году. Оказывается, он до сих пор не умер. Как долго он живет!» Поэтому белый подснежник топтали ногами, уничтожали, приговаривая: «Ты мне желаешь смерти!». С желтыми подснежниками, напротив, обращались нежно и бережно. Считалось, что в дни Навруза вместе с живыми желтыми подснежниками в дом вносится также свет (нур) Навруза, а с ним поселяются обилие и богатство (кут барака). Но желтым подснежникам такое предпочтение оказывалось только в дни Навруза. После праздника их уничтожали точно так же, как и белые цветы, поскольку желтый цвет считался цветом разлуки (айрилик).

Второй день Навруза проходил так же, как и первый. Самым главным считался третий день. В этот день после 14—15 часов на поляне, расположенной на берегу реки в квартале Сари Базар, собирались жители кишлака всех возрастов. Прямо на земле расстилали паласы и скатерти для отдыха и чаепития. Посреди поляны молодые люди, выбран-

¹⁴ Лайлат ал-кадр (арабск) — «Ночь предопределения», название ночи 27 дня месяца рамазана; в эту ночь на небесах будто бы решается судьба каждого человека и принимаются молитвы людей. Мусульмане в эту ночь должны не спать, а предаваться молитвам и чтению Корана (Подробнее см.: *Петрушевский И. П.* Ислам в Иране в VII—XV веках. Л., 1966, с. 84). В местных поверьях этот арабский термин стал восприниматься как название чудесной птицы.

ные специально для подготовки костров, укладывали дрова. После захода солнца по указанию старосты кишлака зажигали костер. Затем началось веселье. Этот вечер был самым счастливым для влюбленных; Навруз считался женским праздником, поэтому девушкам позволяли танцевать, петь вместе с парнями, разговаривать с кем угодно. Хотя присутствие многих людей и традиции шариата мешали прямому объяснению в любви, можно было дать понять о своем чувстве посредством символов — цветов. Если юноша хотел объясниться в любви, то уходя из дома он тайком от родителей срывал цветущую веточку миндаля, абрикоса или яблони и во время праздника дарил ее своей избраннице сам или передавал через лучшего друга. В большинстве случаев посредниками бывали маленькие дети. Если девушка любила этого парня, то в ответ передавала ему собственноручно вышитый красный или розовый носовой платок; если же юноша ей не нравился, то он получал носовой платок желтого цвета, что означало отказ. В последний день праздника Навруз девушки даже осмеливались наравне с мужчинами принимать участие в национальной борьбе (гуштин гри), и это никого не удивляло. До сих пор дербентцы помнят, как женщина по имени Тухта-палвон во время праздничных состязаний победила всех мужчин. А в другой раз, поспорив с мужчинами, она подняла на спину камень весом 90—100 кг и прошла 75—100 м.

Для Навруза характерно, что танцы и борьба происходили вокруг костра, при свете его пламени. На музыкальных инструментах бубен (дойра) и варган (чанкавуз) играли только девушки и женщины, а танцевали и пели юноши и девушки совместно. Иногда и старики, ободряя молодежь, выходили танцевать. Празднество длилось до полуночи.

В течение всех трех дней Навруза жители кишлака Дербент ходили друг к другу в гости. Сначала устанавливали очередность визитов. Считали все хозяйства, имевшиеся в кишлаке, и делили их на три группы — в соответствии с числом праздничных дней. Каждая группа хозяйств принимала гостей в один из отведенных для нее дней. Утром и днем односельчанок посещали женщины. Освободившись от домашних работ, они собирались где-либо в одном месте и затем вместе ходили из дома в дом. Мужчины отправлялись в гости после захода солнца, соблюдая принятый на этот день порядок очередности.

Как утверждают старые жители кишлака, для приема гостей в честь Навруза в былые времена ставили на дастархан семь яств, названия которых должны были начинаться на букву «ш» (арабск. «шин»). И хотя праздничные блюда привычно назывались «семь шинов», некоторые из них не соответствовали указанному правилу. Такими яствами у дербентцев считались: *сумалак*, приготовленный из проросших зерен пшеницы; молоко — *шир*; чай с молоком — *широб* или *ширчай*; молочная рисовая каша — *шир биринч*; варенье из сока тутовника — *ширни*; *халвои тар*, приготовленная из пережаренной муки, сахарного сиропа или сиропа из ягод тутовника, и молочный суп с тыквой — *шир кади*. Молоко символизировало чистоту, чай (вода) с молоком — источник всего живого¹⁵, молочная каша — довольство, халвои тар — дружбу, варенье из сока тутовника — плодородие, молочный суп с тыквой — радость жизни. На краю дастархана ставили свечу — знак почитания огня и клали гребень, символизировавший женскую красоту. Набор из семи блюд, начинающихся на букву «ш», местные жители называли «едой царей» — *хураки поишо*.

Параллели обрядовых символических яств Навруза мы находим и в книге известного иранского писателя Садека Хедята «Найрангистан»¹⁶. Отличие состоит лишь в том, что названия яств у дербентцев начинаются на букву «ш», а у иранцев на букву «с».

В честь Навруза дербентцы приносили жертвы. Если у кого-то не было скота, разрешалось резать курицу, которую перед этим три дня

¹⁵ Снесарев Г. П. Указ. раб., с. 232.

¹⁶ Русский перевод А. Н. Кислякова см. в кн.: «Переднеазиатский этнографический сборник». 1. М., 1958, с. 259 сл.; Брагинский И. С. Исследования по таджикской культуре. М.: Наука, 1977, с. 119.

не кормили, а лишь поили водой, чтобы «очистить» мясо этой всеядной птицы. Известен и другой способ: отрезали курице голову, подвешивали за ногу и оставляли в этом положении до тех пор, пока из ее горла не выпадет все содержимое желудка. Внутри зарезанной курицы клали пучок листьев мяты или арчи (бужа), предохраняющих мясо от разложения, и в этом положении оставляли на трое суток. Мясо такой курицы называется *тусқоқ*. В день праздника из этого куриного мяса готовили блюдо для гостей. Не обработанное таким образом мясо считалось «нечистым» (харом), а употребление его в пищу грехом.

По окончании третьего дня празднования Навруза начинался новый месяц — Хамал, о котором говорят: «Что посеешь, то и пожнешь» (Хамал, чи кори амал).

Старуха Азиз. Таджики кишлака Дербент и узбеки кишлака Туда с давних времен тесно связаны дружественными и родственными отношениями. Поэтому жители Туда при обращении к жителям Дербента употребляют выражение «наш родственник» (бизнинг амакиларимиз)¹⁷. Несмотря на то, что эти кишлаки расположены недалеко друг от друга, традиционные мифологические представления их жителей заметно различаются. В Туда неизвестен образ доброй Аджуз. Вместо нее фигурирует злобная старуха Азиз (Азис-мома), напоминающая описанную выше Старуху-Трясунью.

Чтобы представить себе Азиз-мома, надо вообразить старую, худую, беззубую и хромую женщину, которая всегда ходит с посохом и постоянно дрожит. Она особенно не любит чистых, аккуратных людей, а потому бьет своим посохом тех, кто купается или моет голову. Наказанный ею человек страдает от постоянной дрожи. По свидетельству стариков, Азиз-мома любит хвалить себя примерно в таких выражениях: «От бессилья я не могу послать много снега, но все равно назло людям пошлю град, который закроет норы мышей».

По поверьям жителей к. Туда, Старухе Азиз бог выделил от шести до десяти дней месяца Хут. С этим связаны следующие поговорки:

Азиз мома олти кун,	Дни Старухи Азиз — шесть дней,
Қалтираса, етти кун.	Если трясется — семь дней,
Сакранса, саккиз кун,	Подпрыгнет — восемь дней,
Тукранса, туққиз кун,	Рассердится — девять дней,
Уқранса, ун кун.	Посмотрит искоса — десять дней.

Дни Старухи Азиз приходились на 11—12 марта (или 21—22 дня месяца Хут). Жилище Старухи Азиз, по поверьям, в высоких горах, куда может долететь только птица. Вместе с ней в пещере живут ее сыновья, близнецы Ахмон и Дахмон, злые и жестокие. Холодные и морозные ветры, дующие с севера — следствие проделок Ахмона и Дахмона. Когда Азиз-мома спит, они тайком выпускают из ее мешка (қоп) ветры, чтобы помешать земледельческим работам. Проснувшись и увидев, что в мешке осталось совсем мало ветров, Азиз-мома сердится и, думая, что их выпустили люди, со злостью набрасывается на домашний скот, деревья и растения. Понятно, почему дни Азиз-мома связывались с установлением морозной и ясной погоды с сильными ветрами (аезли совук).

Несмотря на все старания, Старухе Азиз не удается задержать пробуждение природы. В конце своих дней, полная злобы из-за своего бессилия принести вред людям и всему живому, Азиз-мома вызывает к себе сыновей и дает им свое предсмертное поручение: «Ахмон и Дахмон, сынки мои! Напрягитесь (т. е. усильте холода — *Ш. У*). В пестром мешке мало муки осталось, у пестрого барана мало жира осталось, в горлышке девушки кости остались» (Ахмон, Дахмон, болама, зурлай бер. Ало қобда ун қолди, ало тухлида жир қолди, буй қизда бувак қлди). С этими словами она умирает. Пока Ахмон и Дахмон находятся возле скон-

¹⁷ Амаки (узб.: дядя со стороны отца). В знак уважения это слово прибавляется к именам старших мужчин. В кишлаке Туда это слово употребляется и при обращении к двоюродным братьям со стороны отца.

чавшейся матери, наступает Новый год (Янги Йил) или Навруз, в честь которого праздновались дни «начало Нового года» (йил боши).

Йил боши у жителей Туда начинался с 19 марта (29-го дня месяца Хут) и кончался 21 марта (в 1-й день месяца Хамал). Традиция кишлака Туда не выделяла такие дни, как Нахси Навруз, Оби рахмат, Навруз. Эти дни входили в дни Ахмона и Дахмона. Дни, отведенные для Йил боши или Навруза, считались траурными для Ахмона и Дахмона, поэтому люди были уверены, что близнецы, не помешают встрече Нового года.

Жители Туда проводили дни Йил боши каждый в своем доме, иногда приглашая в гости только ближайших соседей. Раньше почти в каждый дом приглашали муллу для чтения суры из корана в память умерших, для поминовения их душ (арвох). Массовые гуляния (сайил) не устраивались. На дастархан для гостей издавна подавали суп из баранины (шурпо), плов, лепешки. При встрече люди поздравляли друг друга с праздником; уходя, гости желали хозяевам дома здоровья в Новом году.

С 21 марта (или 1-го дня месяца Хамал) начинались дни Ахмона и Дахмона, которые продолжались до конца марта (т. е. до 11-го дня месяца Хамал).

По традиционным мифологическим представлениям, Ахмон и Дахмон, похоронив Азиз-мома, в ярости бросаются с холодами и шумными ветрами на людей, зверей, деревья и растения, чтобы отомстить за умершую мать. Но они неопытны, поэтому только мешают друг другу. Ветры Ахмона и Дахмона дуют то с западной стороны, то с южной, не причиняя вреда ни людям, ни животным, ни растениям. Наконец, устав от бесплодной работы, братья возвращаются туда, откуда пришли. С досады они плюются. Их плевки, превратившись в град (дўл), падают на землю, нередко повреждая только что появившиеся из-под земли растения и цветущие деревья.

В добавление к сказанному об Аджуз и Азиз-мома и их помощниках можно сообщить, что в горном узбекском кишлаке Аманхона Байсунского р-на Азиз-мома называлась Аджуз Калтирок — «Дрожащая Аджуз», а для Нахси Навруз, Оби рахмат, Ахмона и Дахмона выделялось всего 9 дней. Считалось, что в дни Аджуз Калтирок сам бог контролирует действия этого мифического женского персонажа и если захочет, то эти дни сразу же станут теплыми. Празднование Навруза проводилось так же, как и в Туда. В к. Шотрут Сариасийского р-на живущие здесь таджики называли Аджуз Аджуз-Маджуз. Первый день каждого месяца считался днем Нас. Таким образом, в году было 12 дней Нас. Аджуз-Маджуз и Нас в местных поверьях предстают как отрицательные фигуры, но не как муж и жена. Период Оби рахмат длился здесь 5 дней. Дни Навруза отмечались торжественно, как в Дербенте, но без ночных костров.

Изложенный материал интересен тем, что он вводит в круг мифологических воззрений, связанных с Наврузом, новые персонажи. Старуха Аджуз (Оджуз) и раньше была известна в литературе как образ народных верований, но ее связь с Наврузом не была достаточно ясной и Г. П. Снесарев мог высказать лишь догадку о ее принадлежности к культу природы. Теперь эта догадка подтверждается фактическим материалом¹⁸.

Женские мифологические образы дошли до нас чрезвычайно измененными. Вероятно, первоначально Аджуз (Оджуз) и зловедная старуха Азиз представляли собой один персонаж, который в древности был положительным. Не случайно само имя старухи Азиз означает «дорогая», что не соответствует ее нынешней мифологической характеристике. Превращение некогда благодетельного мифологического персонажа в отрицательный — хорошо известное явление в истории культуры, объясняемое забвением прежних представлений в связи с распространением новой идеологии. В поверьях жителей кишлаков Аманхона и Шотрут женский мифологический персонаж сохранял свое имя (Аджуз Калтирок, Аджуз-Маджуз), но имел уже отрицательную характеристику.

¹⁸ Снесарев Г. П. Указ. раб., с. 184.

Видимо, первоначально новогодний мифологический цикл включал образ молодой женщины. Г. П. Снесарев справедливо увидел прототип старухи Оджуз в образе царицы Мины, легенда о которой упомянута в сочинении Аль-Бируни¹⁹. Смерть молодой царицы уже во времена Бируни не имела четкого объяснения, и правомерно предположить, что умирающий женский персонаж по мере дальнейшего угасания мифологической традиции стал пониматься как старуха, чтобы смерть выглядела логичной. Период последних зимних холодов, с которым связывалась эта смерть, мог способствовать превращению старухи в отрицательный персонаж; ее смерть означала конец зимы.

Таким образом, теперь, с появлением новых материалов, мы можем думать, что мифы новогоднего цикла первоначально содержали в себе как обязательный компонент рассказ о смерти женского персонажа. Возможно, это было божество растительности (не случайно все действия Аджуз или Азиз связаны с пробуждением природы). Хорошо известно, что женское божество занимало важное место в античных средиземноморских культах умирающего и воскресающего бога. «Даже при наличии мужского божества растительности, обреченного на смерть и оживление, богиня плодородия остается центральной, активной фигурой культа»²⁰. Вполне вероятно, что сохранившийся в мифологических воззрениях населения Южного Узбекистана женский образ является отголоском древнего аграрного культа умирающего и воскресающего божества.

¹⁹ Аль-Бируни. Указ. раб., с. 257.

²⁰ Басилов В. Н. Следы культа умирающего и воскресающего божества в христианской и мусульманской агиологии. — В кн.: Фольклор и историческая этнография. М.: Наука, 1983, с. 147.

Э. Оршо

ПИЩА ЧЕЧЕНЦЕВ СОВРЕМЕННОЙ ИОРДАНИИ

Около 130 лет назад большие группы чеченцев переселились с Кавказа в Турцию, Иорданию, Сирию, на Балканский полуостров¹. До сих пор в ряде районов стран Ближнего Востока они живут довольно компактными массивами, сохраняют родной язык, этническое самосознание и элементы традиционной культуры. В Иордании чеченцы проживают в г. Аз-Зарка, в Сувейлехе (пригород столицы страны — Аммана) и селениях Ас-Сухна и Аль-Азрак. Их численность по одним данным (на наш взгляд, более реальным) составляет около 3 тыс. человек², по другим — около 10 тыс. человек³. За более чем 100-летний период жизни чеченцев в Иордании их культура, хотя во многом и сохранила свою традиционность, подверглась значительным изменениям. Это заметно, в частности, в пище и вообще во всей системе питания иорданских чеченцев, что подтверждается ассортиментом основных продуктов, употребляемых в пищу, типами блюд, наличием в питании чеченцев характерных для арабской кухни компонентов, приправ и специй, ограничениями в приготовлении пищи и ее приеме и т. п.

За период жизни чеченцев в Иордании их повседневное питание пополнилось ранее неизвестными им продуктами. Это оливы и оливковое масло, роль которого в переднеазиатской модели питания велика, помидоры, лимоны и др. Вообще иорданские чеченцы употребляют много овощей и фруктов: огурцов, помидоров, баклажанов, все виды салатов,

¹ Волкова Н. Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII — начале XX века. М.: Наука, 1974, с. 222, 223.

² Ислам. Краткий справочник. М.: Наука, 1983, с. 139.

³ Брук С. И. Население мира: Этнодемографический справочник. М.: Наука, 1981, с. 434.